

Валерий МАККАВЕЙ

Родился в 1980 в Горьком. Окончил юридический факультет Нижегородского госуниверситета им Н.И. Лобачевского, квалификация – юрист. Работает заместителем директора по научно-методической работе в ГБПОУ «Нижегородский техникум информационных технологий и права».

Публиковался в журнале «Нижний Новгород», альманахе «Земляки», сетевом издании «Литература». Вошёл в шорт-лист Международной литературной премии им. Юрия Левитанского (2023).

Живёт в Нижнем Новгороде.

АРБУЗ

1

Санька Барсук сидел на скамейке возле подъезда. У него на коленях лежал арбуз размером с баскетбольный мяч. Он задумчиво гладил его блестящую корку, время от времени постукивая пальцами по её твердой поверхности. Барсук не ночевал дома, и сейчас его беспокоило, какотреагирует мать на его появление. Арбуз был кстати. С его помощью он рассчитывал снизить градус агрессии и повернуть ситуацию в свою пользу.

Вчера на Заречном рынке он встретил Вовку Козыря. Они вместе сидели на малолетке.

– Вы посмотрите – то не Барсук, то Барс! – радостно воскликнул Козырь и сгрёб Барсука в объятия. – Как сам?

Барсук почувствовал неловкость. Хвалиться было особо нечем. После освобождения он целыми днями валялся на кровати и курил, пуская кольца дыма в оклеенный бумажными обоями потолок. Никто от него ничего не требовал, никто не указывал, как жить. Спать можно было сколько угодно и когда угодно, питаться вдоволь, гулять где захочешь. Но идти на улицу желания не было. Ему нравилось просто лежать, курить, чувствовать себя в безопасности и пребывать в состоянии постоянной дремоты.

Первое время мать закрывала глаза на его образ жизни, но постепенно недовольство её стало расти. Однажды она не выдержала и, зайдя к нему в комнату, громко сказала:

– Может, хватит уже коптить стены, ну? Вся квартира куревом провоняла. Съездил бы в деревню, ну. Бабушке помог. А то лежишь целыми днями, как трутень. Вот восемнадцать исполнится, устрою тебя к себе в цех, ну. Хоть польза будет.

Барсук молча поднялся с кровати и пошёл докуривать на балкон.

Мать растила его одна, работала то ли мотальщицей, то ли чесальщицей на ткацкой фабрике. Была женщиной неопрятной и простоватой. Эти качества проявлялись у неё во всём, но больше всего сказывались на кулинарных способностях. Особенно страдали заготовки

консервированных продуктов на зиму. Мать сушила грибы без разбора, ягоды не промывала, и очень часто в грибном супе можно было увидеть белые тельца мушиных личинок, а варенье отмечалось хрустом речного песка на зубах.

Показывать неловкость было нельзя, и Барсук ответил:

– Пока тебя не встретил, всё было хорошо.

Козырь улыбнулся и прищурился.

– Слушай, Барсук, я чё хотел сказать... – Козырь посмотрел по сторонам. – Давай в сторонку отойдём, а то тихушники могут быть.

Они вышли за ворота рынка и, свернув за угол, остановились в безлюдном месте.

– Помоги мне отзаниматься, а? Кроссовки новые очень нужны. Тут, понимаешь, какое дело... Хочу скататься к пацанам на Бор, а в сланцах ехать запаadlo. Вид всё-таки должен быть соответствующий. А я в долгу не останусь.

Барсук посмотрел на Козыря: выгоревшие на солнце шорты, вытянутая футболка с рекламой столичного пива, сланцы на босу ногу. Выглядел он и правда не очень. Сам Барсук был одет в новенький спортивный костюм и шанхайки. Мать купила на освобождение.

– Козырь, без обид, но я даже месяца ещё не отгулял на воле. Я, пожалуй, пас.

Козырь отступил на два шага назад и внимательно оглядел Барсука с ног до головы.

– Ты при бобах, что ли? Костюмчик, смотрю, новый, тапочки китайские. Так подкинь немного денег, раз богатый.

– Нет у меня денег, сам голяком.

Барсук достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул парочку, протянул одну Козырю, а вторую сунул в рот и, чиркнув зажигалкой, раскурил.

– А чё на рынок-то пришёл, раз денег нет?

Барсук пожал плечами.

– Да просто так. Прогуляться.

– Просто в попу, а так в рот, – Козырь ослабил и громко захохотал.

Барсук посмотрел на него исподлобья.

– Да ладно, не парься. Шучу я.

Какое-то время они молчали. Козырь присел на корточки и жадно курил, периодически сплёвывая на землю. Под его ногами образовалась небольшая слюнявая лужа. В центр лужи Козырь поместил бычок фильтром вверх.

– А ты слышал за Седого? – спросил он поднимаясь.

– Нет, а чё?

– Да он, прикинь, решил хату выставить комерса какого-то. Тот живёт на втором этаже. Подгадал, когда дома никого не будет. Ночью полез через балкон, да чё-то напутал и залез в соседнюю. Там его встретил хозяин квартиры, скрутил и сдал мусорам. Вот умора!

Козырь захохотал.

– Такой же фартовый, как и ты, Барсук! Может, и зря я тебе предлагаю делугу.

Барсук поморщился и отшвырнул окурочек в сторону.

Свой срок он получил за покушение на кражу. Тем вечером с друзьями они крепко выпили, праздновали днюху одноклассника. Сначала они сидели в кафе на Покровке, названия Барсук уже не помнил, потом пошли в кремль. Стоял морозный декабрь, накануне празднования

Нового года. Склоны Кремля были покрыты толстым слоем снега. Кто-то из ребят бросил клич прокатиться с этих горок. И они толпой, под ободрающие возгласы и дружный смех, покатались вниз. В тот раз обошлось без травм.

Обратно в свой район они ехали затемно в битком набитом автобусе. Барсук стоял на ступеньках у задних раздвижных дверей, его мучило. Тошнота подкатывала волнами. Чтобы не заблевать спины стоящих рядом людей, он выскочил на Комсомолке, завернул за остановку, и его вырвало. До дома решил пройти пешком. Никто из друзей за ним из автобуса не выпрыгнул. Может, не заметили.

Во дворе, напротив школы, он увидел припаркованную красную «девятку»: двери машины были не заперты, кнопки блокировки замков дверей – выдвинуты на полную длину...

Его взяли в четыре утра спящим в обворованном им же автомобиле. Он сидел на пассажирском сиденье с краденой магнитолой на руках.

Что тогда побудило его открыть дверь машины и плюхнуться в кресло, он так и не смог себе объяснить даже в колонии. И если бы не условка за хулиганство, свободы его могли бы и не лишить.

Козырь сидел за разбой.

– Слышь, Барсук, дело-то плёвое. Там схема простая. Ну чё ты ломаешься, как тёлка.

– Чё за схема?

– Да, короче, подойдём к лотку с обувью. Я попрошу померить кросы, потом вторые, потом третьи. Пока комерс будет искать третью пару, передам одну из прежних Полторашке, у неё уже будет пакет. Она положит кросы в пакет и отдаст его тебе. Ты спокойно пойдёшь на выход. Встретимся здесь же, – Козырь с надеждой посмотрел на Барсука.

– А Полторашка это кто?

– Да тёлка одна, Наташка-Полторашка. Она сейчас ситуацию сечёт. Прикинь, она может выпить полторашку пива практически залпом.

Барсук натужно улыбнулся. Происходящее ему не нравилось.

– Ты не очкуй, с меня спроса не будет. Я же останусь там, как ни в чём не бывало. Скажу, что понятия не имею, где кроссовки. Сейчас выходные, народу много, выберем тот лоток, где меряют сразу несколько человек. Мало ли кто стащил? Полторашка тоже затеряется в толпе. Так что всё на мази.

В колонии Козырь сидел достойно: в актив не вступал, шнырём не был. Когда в зону поднялся Барсук, подтянул его к себе. Подогнав тёплые вещи, объяснил за жизнь. Барсук был ему многим обязан.

– Ладно, Козырь! Будешь должен.

– Вот, от души, братан! Я знал, что на тебя можно положиться.

Козырь криво улыбнулся.

– Ну, погнали тогда. Найдём Полторашку.

Всё произошло так, как и говорил Козырь. Возле торгового лотка не было свободного места. Покупатели стояли плотной толпой. Кто-то примерял обувь, кто-то расплачивался. Было шумно и тесно.

Полторашка оказалась невысокой симпатичной девчонкой. В её облике чувствовалось определённое благородство. Барсуку даже не верилось, что она связалась с таким, как Козырь. Ему казалось, что такие девчонки обычно находят перспективных парней, счастливо выходят замуж, устраиваются на хорошую работу.

Козырь мерил кроссовки с видом разбирающегося человека. Аккуратно их зашнуровывал, топтался на месте, зажатый со всех сторон

покупателями. В какой-то момент он скинул кроссовки Полторашке. Та ловко опустила их в заранее подготовленный пакет и передала Барсуку. Барсук неспешным шагом пошёл по направлению выхода из рынка, предварительно свернув в соседний торговый ряд.

Взяли их в месте встречи.

На допросе Барсук вёл себя спокойно. Говорил, что ни в чём не участвовал. Ни с кем заранее не договаривался. Его попросили понести пакет, он и взял. Что находится в пакете, не знал.

Ночью в обезьяннике долго не мог уснуть. Козыря и Полторашку раскидали по хатам, а его почему-то оставили в клетке под присмотром дежурившего сотрудника, хотя в помещении находились три камеры.

Барсука мучили тревожные мысли. Что будет с мамой? Опять, бедняга, на последние деньги будет собирать ему передачи, тащить через всю область тяжёлые сумки, мерзнуть на полустанках. Через полгода Барсуку исполнится восемнадцать, и его переведут во взрослый лагерь. Как там встретят?

Сидеть не хотелось. Лучше бы и правда уехал в деревню.

Утром Барсука отпустили под подписку о невыезде. Что стало с Козырем и Полторашкой, он не знал.

По пути домой сочинил незамысловатую историю о том, что познакомился с девушкой, провожал её в Стригино. Было поздно, обратно транспорт уже не ходил, денег на такси не было. Пришлось там заночевать. Барсук понимал, что это отсрочка всего лишь на несколько дней, пока не придёт очередная повестка. Тогда мать всё поймёт. Но сейчас другого варианта объяснить своё отсутствие он не видел.

За размышлениями Барсук не заметил, как дошёл до Заречного рынка. Через несколько минут он будет дома.

– Земель, подожди!

К нему торопливой походкой шёл неопрятного вида человек. Лицо одутловатое, волосы нечёсаны, одет в вытянутые треники, пиджак на голое тело и стоптанные сандалии.

Барсук остановился. Чё ему ещё надо?

– Третьим будешь? – спросил незнакомец и широко улыбнулся. Барсук заметил, что во рту у него практически не было зубов, из-за чего речь его звучала с присвистом.

Барсук шутки не оценил и намеревался уже пойти дальше, как тот суетливо продолжил.

– Да, пошутил я. Земель, помоги разгрузить фуру с арбузами. А? Очень надо. Один я не справлюсь. Нам на шкалик дадут, и арбуз можно любой с собой взять.

В глазах незнакомца Барсук увидел всю боль страдающего с похмелья человечества. Подумал, что арбуз бы ему пригодился. Вернётся домой хоть не с пустыми руками. Но где-то внутри его головы сидела мысль, что второй раз за сутки он ввязывается в какую-то авантюру.

Фуру разгружали долго. Незнакомец представился Борей и стал знакомцем.

Боря постоянно филонил: то у него живот схватит, то ему поссать захочется, то сейчас подойдёт. В момент его отсутствия Барсук договорился с хозяином фуры, что всё причитающееся достанется Барсуку, в том числе и арбуз. На том и сошлись.

Борю Барсук пустил по бороде, так ничем с ним и не поделившись. Тот попытался наехать, но выхватил оплеуху и, поникши, пошёл восвояси.

Санька Барсук сидел на скамейке возле подъезда. Арбуз лежал на коленях. Он аккуратно положил его рядом с собой. Вытряхнул из пачки последнюю сигарету и закурил. Пустую пачку смял и выбросил в урну.

Домой идти не хотелось. Там Барсука ждал душный разговор с матерью. Желания вступить с ней в дискуссию у него не было. Хотелось ещё немного оттянуть этот момент.

Барсук подумал о Козыре и Полторашке. Что с ними стало? Козыря, скорее всего, отправят в СИЗО, а может, и нет. Не такое уж значимое преступление они совершили. Многие будет зависеть от того, что он говорил на допросе. Хотя могут и отправить. Барсук считал чудом, что сам избежал ареста. Нужно бы доехать до родичей Козыря, сообщить. Но Барсук не знал, где конкретно живёт Козырь. Помнил, что где-то на Гвоздилке. А Полторашка? О ней у Барсука вообще сведений не было. Да и видел-то он её всего минут пятнадцать. Кто такая? Чем живёт? Может, её тоже отпустили под подписку.

Дверь подъезда распахнулась, и на улицу, немного пошатываясь, вышел дядя Валера с седьмого этажа. Кем он был по жизни, Барсук не знал. Мать говорила, что сейчас он на пенсии, работает ночным сторожем в детской поликлинике.

Дядя Валера любил выпить. На его багровых щеках тонкой паутиной расходились синеватые прожилки. В карманах брюк он всегда носил гранёный лафитник на всякий случай. Однажды Барсук увидел его вусмерть пьяным, валяющимся на газоне, кое-как привёл в чувство, помог подняться на ноги и довёл до квартиры. С тех пор дядя Валера считал его своим корешем.

– О, Санёк, здорово! – дядя Валера плюхнулся на скамейку рядом с Барсуком. – Как жизнь молодая?

Барсук немного подвинулся в сторону, придерживая арбуз рукой.

– По-разному бывает, дядя Валер. Пока всё хорошо.

– Это хорошо, когда хорошо. Арбуз-то где скоммуниздил?

– Не скоммуниздил, а заработал, – Барсук бросил окурок на землю и затоптал. – Фуру с утра разгрузил.

– Понятно. Дело хорошее.

Дядя Валера достал из нагрудного кармана мерзавчик, из брючного лафитник и отмерил себе половину рюмки.

– Будешь?

Барсук помотал головой.

– Нет, я пас. Мать не хочу задорить. И так дома не ночевал.

– Понятно. Твоё здоровье, Санёк! – дядя Валера поднёс лафитник ко рту, шумно выдохнул и выпил. – Ах! Хорошо!

Дядя Валера подмигнул Барсуку, тот невольно улыбнулся.

– Я вот всё думаю о вашем поколении, Санёк, – сказал дядя Валера, убирая лафитник в карман. – И мне становится больно за вас, понимаешь?

– Не очень.

– Представим, что человек, когда рождается, – белый лист, – дядя Валера начал свою речь издалека. – И в течение жизни каждый встречный оставляет на нём свою загогулину, понимаешь. Наполняет его содержанием, так сказать. Кто-то рисует светлые образы, кто-то ставит кляксы, кто-то просто расписывает свою ручку до дыр. И все эти каракули остаются с человеко-листом навсегда. Хорошо, если ещё разрисуют

карандашом. Возможно, найдётся ластик, и удастся стереть написанное. Хотя и от этого действия останутся шероховатости на бумаге.

Дядя Валера достал из кармана брюк мятый платок и звучно высморкался. Барсук подумал, что для философских размышлений дядя Валера слишком простоват, но ничего не сказал.

– Так вот. Всё это делает человека индивидуальным, понимаешь. Единственным таким листом во всём мире.

Это Барсук понимал. В колонии наколки были у многих, от надписей и перстней до куполов и мадонн с младенцем. И не было арестантов, исколотых одинаково. Все были индивидуальными.

– Самое неприятное, когда пишут на этом листе под копирку. Тогда все человеко-листы становятся похожи один на другой, как цыплята в инкубаторе. Этим занимаются в детском саду, в школе и других институтах социального общества. Плохо, если это делается в семье. Понимаешь, родители начинают говорить, что нужно быть таким, как все. Всё должно быть как у людей. И далее по списку... А человек должен быть собой, должен выплеснуть в этот мир то, что в нём заложено. Должен реализовать своё творческое начало и, в конечном итоге, сделать этот мир лучше. Человек – творец, понимаешь? А двух одинаковых творцов не бывает.

Дядя Валера замолчал. В чём-то он был прав. Мысль про институты Барсук понял по-своему – горько усмехнулся, зная, что ему туда никогда не поступить.

– Вот ты сейчас – продукт эпохи, понимаешь, – дядя Валера покосил на Барсука. – В стране неразбериха, война в Чечне, запад насаждает свои ценности, в кабинетах сидят зарубежные консультанты, повсюду разгул преступности.

Дядя Валера потянулся к нагрудному карману и достал мерзавчик. Откинувшись корпусом немного назад вытащил из кармана брюк лафитник, наполнил до краёв рюмку и продолжил.

– И в этом болоте находятся жабы, пытающиеся квакать по-своему, – уголовники. Последнее время они насаждают свою культуру, свои порядки, и на тебе, как и на миллионах других молодых пацанов, пишут под копирку свою повесть. Сбивают вас с панталыку. Но в конце концов подотрут вами жопу. А может, и уже подтерли.

Рюмка дрожала в его руке. Прозрачные капли медленно стекали по стенкам лафитника.

– Ну ты загнул, дядя Валер.

Фраза про жопу Барсуку не понравилось.

– А чего загнул? Чего загнул? – щёки дяди Валеры задрожали. – Обидно мне за вас, понимаешь. Пропадаете вы. За страну нашу обидно!

Дядя Валера осушил лафитник одним глотком.

– Вот что сейчас для вас делают, а? Ничего! Всё развалили, секции позакрывали – некуда вам податься. Вот и болтаетесь по улицам без толку, думая, чем заняться, – Дядя Валера поднялся со скамейки. – Потом ограбите кого и мыкаетесь всю жизнь по лагерям.

Барсука бросило в жар. Вмазать бы ему по его красной роже, чтобы не выпендривался. Папаша нашёлся. Про лагеря заговорил. Но где-то внутри себя Барсук знал – дядя Валера прав.

– Ладно, Санёк, пойду я. Бывай!

– Удачи! – раздражённо бросил Барсук.

Дядя Валера сделал вид, что ничего не заметил, и медленно побрёл за угол дома.

Барсук остался один. После разговора с дядей Валерой в душе у него остался осадок. После колонии жизнь Барсука разделилась на две половинки. И теперь нужно было склеивать их в единое целое, встать на ноги, найти приличное занятие, со временем устроиться на работу. Но куда его возьмут с таким прошлым. Многие двери для него уже были закрыты. Вчерашняя история тоже не сулила ничего хорошего. Попахивало новым сроком. Печально было осознавать, что детство закончилось. Хотя закончилось оно ещё тогда, когда он бухой забрался в красную «девятку».

Тянуло курить, но сигарет больше не было. Можно дойти до ларька, но тащиться с арбузом ему не хотелось.

Барсук посидел ещё немного в одиночестве. Нужно собираться домой. Мать там, наверное, совсем извелась.

Плюнув себе под ноги, Барсук резко поднялся. Оставленный без поддержки, арбуз покатился и плюхнулся со скамейки. От удара об асфальт он раскололся напополам.

Барсук опустился на скамейку и долго смотрел на красную мякоть арбуза.